

ЯН ВАЛЕТОВ

**ПРИЦЕЛЬНА
ДАЛЬНОСТЬ**

Ян Валетов

Прицельная дальность

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132454

Аннотация

Кровавый триллер, политический детектив, злая сатира на героев Оранжевой революции?

Авторский вымысел или инсайдерская информация?

Динамичная повесть о покушении на женщину Премьер-Министра Украины.

О покушении, которого не было, но которое вполне могло быть....

Был великий момент, повторение которого невозможно в принципе – народ, безропотно терпевший все, что с ним делали на протяжении сотен лет, вдруг поднялся с колен и показал всему миру, который еще вчера не знал о его существовании, что он «не тварь дрожащая, а тоже право имеет!» Правда, вскоре выяснилось, что он поднялся с колен только для того, чтобы партнеру было удобнее, но сам великий момент пароксизма... О, он стоил дорогого!

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ян Валетов

Прицельная дальность

Глава 1

Если бы кто-нибудь сейчас спросил Сергея Савенко, как чувствует себя заживо погребенный, он мог рассказать все в деталях.

Убежище действительно более всего походило на гроб.

Савенко лежал на спине, уткнувшись носом в старые, изъеденные жучками доски уже шестнадцатый час. Дерево пропахло трухой и плесенью. Тоненький туристский матрасик, вначале казавшийся мягким и удобным, теперь словно горохом засыпали: дико болела спина, затекший бок кололи сотни иголок, крутило шею.

Кейс с винтовкой, уложенный аккуратно сбоку, почти вплотную, но все же на расстоянии несколько сантиметров, чтобы не касаться бедра, теперь врезался замками в кожу выше колена, и сдвинуть его не было никакой возможности.

Ватки в ноздрах, пропитанные раствором серебра, он поменял уже пять раз – без них Савенко наверняка задохнулся бы от кашля и обязательно выдал себя во время рейдов «чистильщиков».

Чердак проверяли четырежды, причем два раза достаточно серьезно. Бригада спецов осмотрела каждый уголок и даже простучала стены в подозрительных местах.

Скосив глаза, прикрытые пластиковыми линзами очков для плавания (чтобы не засыпало трухой), он рассмотрел проверяющих через неширокую щель в полу: молодые ребята, самому старшему было от силы лет тридцать пять, вооруженные короткими автоматами, скользили между наклонными балками, подпиравшими скат крыши. Они брезгливо отмахивались от клочьев паутины, матерились в полголоса, иногда шутили. Свет, падавший сквозь чердачные окна искрящимися от пыли столбами, позволял разглядеть их достаточно хорошо. Трое в штатском, в приличных костюмах, белых рубашках и галстуках, и двое в черной спецназовской форме.

Работали парни профессионально, придраться не к чему. Но и его убежище было подготовлено не новичком – на чердаке, вдоль внешней стены здания, как раз под чердачными окнами, тянулся уступ, похожий на подиум – ступенька высотой сантиметров сорок, сорок пять и шириной около метра. Именно в нем и был оборудован схрон размерами не больше пресловутого гроба, в котором он должен был провести почти сутки, а, учитывая особенную, всем известную пунктуальность одного из людей, ради которых он здесь находился, скорее всего, сутки с небольшим.

Покинуть свое убежище он мог за несколько секунд, но толку от этого было чуть. Пара секунд при некоторых обстоятельствах все равно, что пара дней. Лаз, ведущий из схрона, был узок, так как из боковой части подиума при нажатии выпадала только одна доска. Неудобно, конечно, но куда денешься? Маскировка. Нужно стать незаметным, раствориться в полутьме чердака, в запахе кошачьих испражнений, в шорохах и вздохах старых деревянных балок. А это значит минимум изменений в окружающей обстановке: не смахнуть многолетнюю пыль, густо покрывавшую каждый сантиметр на чердаке, не нарушить хитрую вязь паутины, затянувшей углы и пространства между балками. Посему и доска, которую превратили во входную дверь убежища, была только одна. И распил, сделанный в старом дереве был настолько тонким, что рассмотреть его можно было, только если знать, где искать.

Если бы проверяющий чердаки наряд обнаружил его во время одного из рейдов, то выбраться наружу Савенко не успевал при любом раскладе. Его расстреляли бы прямо через пол, начини он выползать. Кто ж будет церемониться в такой нервной обстановке?

Времена Майдана канули в лету и все те, кто еще недавно чувствовал себя в восторженной толпе почитателей, как рыба в воде, вдруг вспомнили об опасности от той же толпы исходящей. Вот почему совместное предвыборное мероприятие Президента и Премьер-министра охранялось должным образом: группами «спецуры» и СБУшными снайперами на господствующих точках, спецназом, перекрывшим проходные дворы, приткими ребятами из Службы охраны с их противоснайперскими мероприятиями, которые не ограничивались запертыми чердаками и электронным наблюдением. И, конечно же, массой агентов СБ рассеянных в той самой некогда восторженной толпе, только и ждущих часа, когда люди сплошной массой заполнят чашу площади Независимости.

При отработке мероприятий по обеспечению защиты первых лиц государства, как и в любом другом регламентном деле, выполняется масса действий, которые любому думающему человеку покажутся глупыми и ненужными, а буквальное исполнение их – чуть ли не унижением для мало-мальски разумного существа. Но опыт спецслужб всего мира говорит о том, что террористический акт невозможно стопроцентно предотвратить даже при дословном исполнении всех инструкций. А любое отклонение от утвержденного протокола увеличивает вероятность удачного покушения во много раз.

Человеческий фактор был, есть и остается главной причиной удач и неудач в любом деле, и исключить его влияние на результат не удалось еще никому.

Люди, заботами которых Сергей Савенко оказался лежащим в тесном схроне в обнимку с ружейным кейсом, на человеческий фактор и случайность не полагались.

Чердак был чуть-чуть в стороне от прямой линии выстрела, вернее, так казалось на первый взгляд. На самом деле, обзор площади отсюда был неплох, и дистанция обнадеживала стрелка хорошего уровня подготовки. Между предполагаемой точкой появления цели и точкой выстрела, согласно показаниям лазерного дальномера, пролегало ровно триста двадцать пять метров.

Вот только для того, чтобы занять нужную для поражения объекта позицию, стрелок должен был оказаться под потолком чердака: на высоте более трех метров от пола, как раз напротив чердачного окна.

Именно под таким углом и с такой высоты становилась видна небольшая часть Майдана, с построенной там по поводу совместного выступления Президента и Председателя Правительства, трибуной.

Чердак был и выбран Алексом именно потому, что на первый взгляд не был «красной» зоной, и противоснайперские мероприятия на нём выполнялись, но не по высшему разряду.

В таком месте не сажали на постоянное дежурство группу прикрытия, не располагали своего снайпера, отслеживающего возможных коллег и бомбистов – террористов. Отрабатывали чердак в большей степени формально, для «галки», только лишь ввиду близости расположения одного к месту выступления первых лиц государства. И не более.

Вероятность обнаружения схрона, конечно, существовала, только зависела она единственно от случайности, которой в любых обстоятельствах найдется место. Люди, готовившие «лёжку», своим кропотливым трудом свели фактор случайности к минимуму. Вот почему наряд Службы Охраны, несмотря на то, что провел досмотр чердака очень основательно, Савенко не нашел.

Несколько раз высокий парень в дорогих туфлях на кожаной подошве прошелся прямо по нему – мелкая древесная труха и густая, как мука пыль сыпалась через щели прямо Савенко в лицо, и он брезгливо сжимал губы. Доски скрипели и прогибались под тяжестью крепкого тела ретивого сотрудника Службы Безопасности, почти касаясь щеки Сергея. С

обратной стороны доска была покрыта тысячами похожих на свалывшуюся шерсть, щепочек. От старости они стали мягкими, и у Савенко создалось впечатление, что лица касается огромный мохнатый паук, пропахший ветхостью и прелой древесиной.

От такой иллюзии он содрогнулся. Не будь в носу турундов с серебром – обязательно бы расчихался. А окажись на его лице в реальности такое членистоногое – предпочел бы умереть.

Пауков Савенко боялся до смерти, даже на картинках и на экране телевизора. В учебниках по психиатрии такое заболевание называют арахнофобией. При виде омерзительного многоногого существа, Савенко охватывала такая паника, что все остальные страхи, включая страх смерти, казались несущественными.

Перед тем, как лечь в схрон он тщательно обработал одежду и доски репеллентом, но от одной мысли о том, что из щели выберется восьминогий вражина, дыхание сбивалось, и сердце колотилось в ребра изнутри, словно случайно залетевший в комнату воробей в оконное стекло.

Когда на дверях защелкнулся навесной замок, и шаги наряда зазвучали в подъезде, на лестнице, Савенко перевел дух. Потом позволил себе поменять позу, так, чтобы давление переместилось на другой участок спины, и чуть приподнял ягодицы.

Тем, кто рекламирует памперсы, стоит хоть раз в жизни попробовать их поносить. Перед тем, как занять позицию в схроне Сергей специально не пил несколько часов, и уже лежа здесь, на чердаке, позволил себе буквально несколько глотков лимонного сока смешанного с водой, которые выпил из плоской фляги через соломинку. Но организм продолжал исправно функционировать, выделяя жидкость, почки работали, и он все-таки помочился один раз часов шесть назад, на удивление обильно. Сходить под себя далось ему нелегко, навык полученный много лет назад уже ушел в небытие и он долго боролся с рефлексом, прежде чем решился сделать в штаны, но другого выхода не было. Мочевой пузырь победил.

Специальная ткань чудо-памперса впитала в себя горячую, как расплавленный свинец жидкость, но легенда «про совершенно сухие попки» оказалась все же легендой. Гениталии после мочеиспускания прели и зудели так, что Савенко отдал бы многое, чтобы снять с себя наполненные мочой «трусы-промокашки».

Лежа на свежем воздухе, в обычном снайперском гнезде, он бы не испытывал таких ощущений. Здесь же, не имея возможности даже очень медленно, но кардинально сменить позу, он вынужден был смириться с мучительным дискомфортом в паху и ждать, ждать, ждать...

Еще пять с половиной часов – и можно будет выбирать. Останется почти тридцать минут на то, чтобы собрать винтовку, осмотреться и подготовиться к стрельбе. Ну, и, конечно, на то, чтобы проверить путь для отступления.

Вчера, перед тем, как лечь в схрон, у него такой возможности не было. С ним был Алекс и еще один – мрачный тип лет сорока-сорока пяти, с бритой головой и дергающимся глазом, которого ему не представили.

В отличие от лощеного и всегда элегантного Алекса, этот мрачный, как грозовое небо, тип, был нарочито неопрятен. И пахло от него, как от плохо вычищенной беговой лошади после тренировки. Вот только руки у него, почему-то, были ухожены – подпиленные ногти, нежная кожа на ладонях – и это сразу чувствовалось при рукопожатии.

Алекс был любителем маскировок, но, как и многие, кто считал себя докой в разного рода скользких делишках, перебарщивал с основными акцентами, недорабатывая в деталях. Голова у мрачного была брита недавно – на коже виднелись мелкие, замазанные тоном порезы и раздражение, а череп не имел основательного, красивого блеска, приобретаемого после многократного, привычного выбривания. Даже запах от одежды (интересно, где они ее

раздобыли в такой кондиции?) в сочетании с ухоженными ручками кабинетного работника терял часть своей убийственной интенсивности.

Вообще, во всей истории, в результате участия в которой Савенко оказался на чердаке старого здания в центре Киева, было много настораживающих, чтобы не сказать, пугающих, деталей. Деталей, на которые Савенко, будь он тем, за кого он себя выдавал, никогда не обратил бы ни малейшего внимания. Но он носил эту фамилию сравнительно недавно – двенадцать лет не срок. И под личиной Сергея Савельевича Савенко (1960 года рождения, несудимого, бывшего члена КПСС, ныне беспартийного, бывшего контрактника, отработавшего в Афгане не один год, прошедшего через горячие точки Приднестровья и Карабаха), скрывался совершенно другой человек.

Он не был профессиональным военным, совсем наоборот, был он человеком мирным до мозга костей. А каким ещё может быть врач, выпускник Первого Московского Медина, пусть и отслуживший в армии до поступления в ВУЗ? И не случись в свое время перестройки, не проснись в нем коммерческая жилка, был бы он и по сию пору Сафроновым Николаем Алексеевичем, 1962 года рождения, беспартийным и прочее, прочее, прочее...

А так, случился многомиллионный кредит, отконвертированный и переведенный за рубежи родины на закупку оборудования для диагностического центра. Случилась на той стороне границы сверхнадежная партнерская фирма, за которой стояли обычные московские бандюки, прикупившие себе в услужение грамотных финансовых советников.

А дальше – все пошло, как по нотам.

Оказался господин Сафронов под банальной раздачей – меж двух пылающих огней. С одной стороны те самые московские «пацаны» со шпалерами, с другой банковская безопасность и чекисты с наручниками наготове, колоссальный шум в прессе и небогатый выбор между тюрьмой или безымянной могилой где-нибудь на стройке, в ближнем Подмоскowie.

Тогда он нашел третий путь – благо на черный день были отложены кое-какие деньги.

Черновцы, где он пересидел самые «горячие» дни, залечивая простреленное плечо. Вильнюс, где он купил документы. Сонный городок Смела, недалеко от Черкасс, где он легализовался под новой фамилией, и Киев, где он, спустя полтора года после московского беспредела, начал жизнь «с нуля».

В новой жизни был и новый девиз – не высовываться!

Его искали. Иногда (очень редко) он звонил своему близкому другу, единственному из оставшихся в Москве, кому он мог доверять, и узнавал безрадостные новости.

Искало его ФСБ – друг говорил, что видел его фото, висящие рядом с фотографиями «чехов», объявленных в федеральный розыск. А это однозначно указывало на то, что и крепкие парни с толстыми золотыми цепями на шее, о нем не забыли. Несмотря на низкие лбы у них была хорошая память. Не хуже, чем у чекистов.

Раз в год, а иногда реже, о его деле, получившем название «дело о двухстах миллионах», писали газеты – журналисты стряхивали пыль со старых расследований, с преступлений, оставшихся не раскрытыми, и приводили дело Сафронова, как яркий пример коррумпированности и беспомощности органов, а также беспринципности новых русских бизнесменов.

Николай Алексеевич эту чушь читал, скрежетал зубами, напивался по-черному, но сделать ничего не мог.

Бессилие грызло его, как бездомный пес – кость: жадно и ожесточенно.

Он был человеком талантливым, деятельным, способным – в тысячи раз способнее тех, кто не обладая и маленькой толикой его достоинств, с успехом ковал денежные знаки.

Да, он был оторван от привычной среды! Он, еще не утратив модного московского лоска, канул в дебри провинции, словно нож в омут – безо всякой надежды выбраться.

Конечно, можно перечитать «Графа Монте-Кристо», но, скорее, как лекарство для души, а не как руководство к действию. И душе станет легче. А телу...

Тело останется в славном граде Киеве, который, несмотря на всю свою столичность, был в сравнении с Метрополией просто местечком. И это местечко должно было стать для Савенко новой родиной – стать мучительно, но неизбежно...

Потому, что вернуться назад нельзя.

Слишком хорошо запомнил Сафронов, ставший теперь Савенко, смертельный холод пронзивший его тем вечером февраля 1994 года, когда он, спотыкаясь, ковылял прочь от пылающего после выстрела из «мухи» «Мерседеса».

Снег был все еще белым: снегопад начался незадолго до полуночи, Кутузовский проспект – пуст. Сажа моталась в воздухе черными ажурными хлопьями. Его легкое не по погоде, элегантно пальто из нежно-кофейного кашемира, пропитывалось кровью от правого плеча вниз. Рукав тяжелеет и на снег, из отворота, через бледную кисть, россыпью падали темные капли. В ртутном свете одинокого фонаря ветерок трепал мелкие снежинки.

В салоне пылающей машины догорала Лана, скручиваясь в позу боксера, словно пластиковая Барби оставленная жестокими детьми в духовом шкафу.

Он не любил ее, ему просто нравилось спать с ней, не более. А в последнее время их отношения начали Сафронова тяготить, и он в тайне подумывал о том, чтобы расстаться.

Он не хотел, чтобы она ехала в клуб тем вечером. Но именно ее тело, тонкое и гибкое, как тело ласки, и, увы, такое же хрупкое, спасло его от осколков и взрывной волны.

Вот такая ирония судьбы...

Он шел к освещенному месту рваным шагом заводного кролика, падал несколько раз, потом поднимался и снова шел, то и дело оглядываясь через плечо. А за ним...

От черной глыбы джипа, не торопясь, подходили двое. Подходили, чтобы закончить начатое.

Третий же, небрежно облокотившись о блестящее антрацитовое крыло, курил возле приоткрытой двери «гранд широкого». Движок машины работал, в морозном воздухе висело белое облачко замерзающего выхлопа. А из салона, из теплой темноты, наполненной зеленоватым свечением приборной доски и застоявшимся табачным дымом, доносился веселенький напев Билли Джо Томаса: «Raindrop keep falling on my head»... И пахло взрывчаткой и горелым волосом. У Ланы были прекрасные волосы. Длинные. Почти до середины спины...

Сафронов, не поступивший в Медин с первого захода, угодил в Афган, почти сразу после вторжения, и отгарабанил снайпером все два года – минус учебка. Значок разрядника по пулевой стрельбе, к которой у юного Коленки был талант, спас ему жизнь в чужих горах, но погубил взамен много афганских жизней.

Он был хорошим снайпером, умеющим абстрагироваться от мыслей о душе мишени. Мишень – она и есть мишень, откуда у нее душа? Он просто исполнял работу и, вернувшись в Союз, как-то сразу сумел выбросить из памяти и красно-коричневые скалы, и «зелёнку», и горящие на дороге БТРы. И лица и силуэты тех, кто попадал в окуляр прицела его СВД. Умение забывать – талант доступный избранным, особенно ценен если надо забыть неприятные вещи.

Снайпер не убивает в ближнем бою. Между ним и жертвой всегда есть расстояние, и это спасительное обстоятельство придавало воспоминаниям Сафронова совершенно другое направление.

Он никогда не мог заставить себя подумать о смертях тех, кого застрелил в свои юные годы, как об убийстве. Это было поражение мишени – ничего более. Может быть, поэтому он не сошел с ума и не искалечил свою душу муками совести, как многие из его сослуживцев.

Человек, прошедший войну, мало чего боится. Но в День Святого Валентина 1994 года, Сафронов боялся так, как не боялся никогда раньше. Даже пауков он боялся меньше, чем тех, кто шел его добивать.

А еще, он боялся того, кто стоял и смотрел на то, как удачливый, богатый бизнесмен, молодой талантливый врач (ну, пусть больше организатор, но все-таки – врач!) раздавленным жуком ползет по снегу, пачкая его кровью.

Тогда и понял Николай Алексеевич, что он не Эдмонд Дантес. Он не хотел и думать о мести тем, кто расстреливал его «Мерседес». И Лану. А до тех, кто отдавал приказ их расстрелять – было вовсе не дотянуться.

Умри он тогда, неподалеку от Поклонной горы, и его репутация не пострадала бы – для всех он умер бы честным человеком. А так, на выжившего Сафронова навесили всех собак. Больно уж удобной была версия, что жулик-коммерсант «скоммуниздил» кредит из государственного банка и сбежал в теплые края. И для ФСБшников была удобной, и для Бобы с его головорезами. Тем более что Боба уже пер танком в Госдуму, и всем было понятно, что его не остановить.

Двести миллионов рубликов канули в казну Бобыного «государства в государстве», кинутый «лошок» Сафронов не помер, как планировалось, а убежал, что, в общем-то, еще приятнее, так как именно за «лошком» вдогонку и бросилась вся легавая свора.

Да, Сафронов, все-таки, убежал, хоть для этого и пришлось стать Савенко, слиться с пейзажем и замереть, как в детской игре «Море волнуется...» Потерять все, вплоть до фамилии было ужасно, мучительно, несправедливо! Он ненавидел себя и все, что видел вокруг, но Киев, который тогда казался ему, столичному пижону, глухой провинцией, все же заслуживал более добрых чувств, и Сергей это хорошо понимал. Ведь этот зеленый город, вальяжно, словно сытый кот, разлегшийся на днепровских кручах, был куда лучше смерти или жизни Черновцах.

Киевский Сергей Савенко, в отличие от московского Николая Сафронова, вел образ жизни непубличный, замкнутый и скромный. Быть плеибоем стало небезопасно и под угрозой обнаружения, тюремного заключения и смерти, привычки легко изменились сами собой.

Он коротко постригся, отрастил густую шкиперскую бородку, стал одеваться в спортивном стиле, отдавая предпочтение джинсам, свитерам и мокасинам, а не элегантным костюмам, как раньше. Обедать или ужинать теперь приходилось или дома, (он взял в наём трехкомнатную квартиру на Оболони) или в небольших ресторанчиках семейного типа, благо они уже начали открываться в Киеве.

Но для того, чтобы построить бизнес, не обязательно быть личностью известной и публичной. Скорее – наоборот. Большое количество по-настоящему богатых людей остаются сокрытыми от любопытных глаз публики, выставляя на всеобщее обозрение наемных директоров, президентов и управляющих. Настоящий руководитель и организатор всего, словно паук сидящий на краю паутины, только лишь следит за тем, как добыча попадает в сети, сам оставаясь в полумраке неизвестности из которой так удобно смотреть на свет.

Деньги, оказавшиеся в распоряжении Савенко после бегства, для метрополии были мелочевкой, но для Киева, в котором на то время на сто долларов наличными можно было сравнительно неплохо жить целый месяц небольшой семьей, Сергей был состоятельным человеком, хотя Крезом его и тогда никто бы не назвал.

Через год он начал забывать разочарование, которое пережил и твердо стал на ноги.

В девяносто шестом женился – супруга была моложе его на семь с лишним лет, но даже в этом сравнительно юном возрасте обладала завидной деловой хваткой, и брак по любви оказался еще и удачным с точки зрения расчета.

В конце девяносто седьмого Оксана родила двойняшек, мальчика и девочку.

И все шло превосходно. И в семье, и в бизнесе. Большой палец болел показывать – как хорошо.

В 1998 они сравнительно легко, с небольшими потерями, перенесли дефолт.

В 1999 по настоянию Оксаны диверсифицировали бизнес-риски, организовав несколько фирм разного профиля и, как оказалось, правильно сделали.

В 2000 их слегка «потрясло» после закрытия энергетических зачетов. Компания, с которой они начинали, за полгода потеряла более половины активов, но Савенко успел перебросить спасенные деньги в фирму по торговле недвижимостью и в небольшую строительную компанию.

Когда в столице начался строительный бум, они оказались к нему готовы. «C&O real estate» владела несколькими участками в центре и в некоторых районах на окраинах, отведенными за сравнительно небольшие деньги. Строительная компания «C&O Sweet Home» на этих землях строила. За три года семья Савенко утроила капиталы и при этом выкупила еще четыре площадки под строительство в самом центре.

Савенко оставался «серым кардиналом» бизнеса, зато Оксана входила в Мэрию, как к себе домой, и Сан Саныч при встрече целовал ее в щечку. На их проектах и семейных деньгах паразитировало столько чиновников, силовиков и депутатов, что Оксана начала подумывать о политической карьере.

Невидимого и неслышимого высшими кругами киевского сообщества Сергея, считали белой ручной мышью при жене бизнес-леди, но такое положение вещей Савенко не угнетало, так как могло бы некогда угнетать Сафронова. Время и жизнь меняют людей, маски прирастают к коже, становясь вторым лицом. Разница между сегодняшней реальностью и неосуществленными амбициями становится несущественной, особенно при наличии больших денег.

На выборах 2004 года они с Оксаной страшно рассорились – первый раз за всю совместную жизнь. Дети, никогда не видевшие родителей в таком нездоровом возбуждении, спрятались в спальнях и старались старшим на глаза не попадаться. Оксана, справедливо полагавшая, что от добра добра не ищут и хорошо запомнившая потери во время прекращения энергозачетов, составившие, как минимум три миллиона долларов в реальных ценах, при виде бывшего руководителя «Единых энергосистем», бывшего вице-премьера по вопросам ТЭК Регины Сергиенко в «помаранчевом» наряде, приходила в состояние озверения.

Савенко же, внезапно проникся юношеским идеализмом, которым в свое время переболеть не успел ввиду отъезда для выполнения интернационального долга в Республику Афганистан, и рвался митинговать на Майдан, где уже начали собираться толпы людей, выступавших против фальсификации выборов.

Первая для них семейная ссора закончилась бурным примирением в постели, полным консенсусом и превосходным обедом вместе с детьми в отдельном кабинете одного из дорогих киевских ресторанов. Тут же, рядом с ними, обедала и другая столь же революционно настроенная публика: колыхались меха, сверкали бриллианты, лоснились дорогие костюмы полноватых мужчин. В наманикюренных ручках дам особенно хорошо смотрелись аксессуары всех оттенков оранжевого цвета.

Оксана, будучи женщиной от природы разумной (и к тому же предусмотрительной – основные финансовые активы семьи были два месяца назад выведены из страны и лежали на депозите в одном из банков Лихтенштейна) решила принять сторону мужа, тем более, что верхним, политическим нюхом почуяла, что кандидат от Партии Регионов с его судимостями, пальцами веером и косноязычием, скорее всего, проиграет, если уж в первом туре, при всей чудовищной, работающей на власть машине, умудрился проиграть. А оказаться на стороне проигравшего удовольствие малоприятное.

К тому же, с помаранчевыми было гораздо веселее. Майдан бурлил. С трибун летели обещания, которым все верили, и которые никто не собирался выполнять. Улыбки грели промозглый воздух киевской зимы и атмосфера великодушия и доброты, которая может быть свойственна только побеждающей стороне, делала пришедших на главную площадь страны моложе и чище помыслами.

Испытать такой духовный подъем в рядах агонизирующих бело-голубых было невозможно. Даже мрачные плохо оплаченные отряды донецких и луганских шахтеров, теряли всю старательно возвращенную их вдохновителями злобу и, страдая от похмелья и голода, начинали скандировать: «Восток и Запад – вместе».

И это было правдой – только здесь и сейчас, но, все-таки, правдой.

Со всех сторон страны в Киев ехали, летели, добирались на перекладных сотни тысяч людей, ждущих коренных перемен, сути которых они не знали, и торжества справедливости, о которой имели приблизительное понятие.

Пуховики, носки, термосы с горячим чаем, коробки с апельсинами и шоколадом, перчатки, оранжевые шарфики и лекарства семья Савенко подвозила к палаточному городку, как патроны на передовую. Правда говорить, что шарфики были чистой благотворительностью нельзя – Оксана умудрилась вспомнить, что на одном из их предприятий в августе получили «помаранчевый» материал и в разгар революции в регионы поехали «газельки» набитые шарфиками с вышитым на них словом «Так!». Что поделать, бизнес и политика всегда шли рядом!

Супруги Савенко, вместе с детьми – Александром и Натальей, и со всей прогрессивной частью украинского народа, встретили победу президента Плющенко радостными криками, стоя на главной площади страны.

В этот момент они испытали неизвестное до сей поры чувство – чувство единения с народом.

Это было оргазмичное чувство, чувство настолько острое, что вызывало слезы на глазах и желание слиться в братских объятиях со стоящими рядом тетками в траченных молью пальто и мужиками в ватниках, без боязни испачкать шубку за тридцать тысяч долларов или модельный кардиган от Валентино.

Это было новое чувство общности с теми, с кем общности быть не могло.

И ее так не было, как выяснилось несколькими месяцами позже, но в этот великий момент такая мелочь не играла никакой роли.

Неважно было, что выигравший выборы в бескомпромиссной борьбе Президент, на самом деле избран из-за отсутствия третьего варианта, и еще из-за вовсе безрадостной перспективы прихода к власти беспощадного и агрессивного донецкого клана.

Неважно, что команда Плющенко, собрана из совершенно разных, но в чем-то обделенных или обиженных предыдущей властью людей, которые никогда не были единомышленниками, а были всего лишь временными союзниками на пути к политическому Олимпу и распределению финансовых потоков.

Неважно, что каждый, получивший хотя бы среднее образование, человек читал в учебниках о том, что любая революция делается руками народа, для того, чтобы выгоды получил новый правящий класс.

Все это ровным счетом ничего не значило.

Был великий момент, повторение которого невозможно в принципе – народ, безропотно терпевший все, что с ним делали на протяжении сотен лет, вдруг поднялся с колен и показал всему миру, который еще вчера не знал о его существовании, что он «не тварь дрожащая, а тоже право имеет!» Правда, вскоре выяснилось, что он поднялся с колен только для того, чтобы партнеру было удобнее, но сам великий момент пароксизма... О, он стоил дорогого!

Начавшийся с возвышенной инаугурации 2005, закончился прогрессирующим системным кризисом, который в руководящих кругах называли «великими свершениями».

Тому были разные причины – и ошибки правительства, возглавляемого Региной Сергиенко, и козни оппозиции, и предательство соратников, и головокружение от революционных успехов, не позволившее объективно оценить размеры предполагаемых инвестиций.

Был, конечно, саботаж, как же ему не быть во время революции? Но основной причиной, как было всегда и везде, стали некомпетентность, амбициозность и жадность новых правителей. Каждый из них был человеком прошлой системы, а из гнилого семени не вырастает хорошего плода.

Один властный «дерибан» сменился другим, косметически отремонтированная система судебной и исполнительной власти, по сути, осталась нетронутой и творила то, что творила раньше, но для новых хозяев.

Савенко от революции не пострадали, но и ничего особенного не приобрели. Кроме прекрасных воспоминаний, естественно. Деньги, по-прежнему, зарабатывались. Чуть медленнее и чуть труднее, конечно, но все-таки. И жизнь стала дороже. И постоянная перетасовка во власти повлияла на размеры взяток не в сторону уменьшения, только давать их стало труднее. Дающему приходилось изображать лицом стыд и чувство национальной гордости, а берущему – заботу о государственных интересах и смущение. А так – все, как раньше – только веселее, так как во время передела собственности в стране всегда весело.

Новый 2006 год они встретили в Австрии, где их принимали приветливо и радушно. В пятизвездочном отеле в Целемзее было много украинцев, на их столиках в ресторане во время новогоднего ужина поставили желто-голубые и оранжевые флажки. Возрастную пару из Донецка, отдохавшую здесь шестой год подряд, слегка перекосило от полноты чувств. Дети катались на лыжах, снег на склонах Альп был белоснежен и прекрасен!

А в самом конце мае, когда на Киев уже начинала наваливаться липкая летняя жара, на стоянке возле офиса на Красноармейской, к Савенко подошел сравнительно молодой человек в дорогом льняном костюме цвета «капля крови в молоке» и ставшей вновь модной, яркой рубашке «апаш».

– Господин Савенко? – спросил он дружелюбно.

– Чем обязан? – сказал Сергей, открывая дверцу своей новенькой «Ауди».

– Очень хочу познакомиться, – с располагающей улыбкой произнес стильно одетый незнакомец. – И, вообще, мне кажется, что я вас где-то встречал!

– Киев, город маленький! – отрезал Савенко, и сел в машину, не собираясь продолжать разговор.

Станный тип! На «голубого» не похож, а так – кто их разберет!

Незнакомец остановился у водительской двери и прижал к стеклу две фотографии. На одной из них был изображен господин Сафронов, году этак, славной памяти, девяносто втором. То есть – московского разлива. Фото было сделано длиннофокусным объективом превосходного качества: задний фон был размыт, но на втором плане угадывался «Белый дом».

А на второй фотографии был он нынешний, в обществе жены и детей, в Киевском зоопарке. Они гуляли там неделю назад. Оксанка выглядела молодой и счастливой, дети радостными, да и он смотрелся не на свои «за сорок», а много моложе.

– Вот, блядь! – сказал Савенко в слух, и нажал кнопку опускания стекла.

– Вы что-то сказали? – спросил незнакомец участливо.

– Я сказал «вот, блядь!» – повторил Сергей и, посмотрев на холенное, гладко выбритое лицо человека, показавшего ему фотографии, выговорил с плохо скрываемой брезгливостью. – А я уж заждался, прямо! Садитесь в машину, жарко же.

Незнакомец дважды приглашать себя не заставил и мгновенно оказался на правом сидении, не снимая с лица совершенно неуместной улыбки.

– Алекс, – представился он, захлопнув дверь.

– Серж, – мрачно проговорил Савенко, но руки не подал.

– Отдаю должное вашему чувству юмора, – продолжил тот, кто назвал себя Алексом. – Я знаю, как вас зовут, Сергей Савельевич. И как вас звали раньше, Николай Алексеевич.

– Рад за вас, Алекс. Доказать сможете?

– Легко! – радостно заявил тот. – И доказать. И арестовать. И экстрадицию организовать. Все, что пожелаете. Вы себе представить не можете, как вас ждут на родине, господин Сафронов!

Господин Сафронов-Савенко внезапно понял, что прикидывает расстояние от своего локтя до кадыка стилиаги Алекса и мысленно просчитывает силу удара, да такого, чтобы убить наверняка.

– И не надо на меня так смотреть, – сказал Алекс торопливо, – убивать меня бесполезно. Просто добавьте себе статью. Поверьте, мы можем договориться.

Савенко погладил одеревеневшую мышцу бицепса. Еще секунда и договариваться надо было бы со следующим Алексом.

– Сколько? – спросил Сергей.

– Вы о чем?

– Вы сказали, что мы можем договориться. Сколько?

– Вы о деньгах?

– Нет, о волшебных бобах! Шутите, наверное?

– Нет, деньги здесь не при чем, – заявил Алекс с искренним удивлением. – Зачем нам деньги? Из-за денег мы бы вас не трогали...

– Класс! И как прикажете с вами договариваться. Сразу предупреждаю, натурой не получится. Я лучше вас прибью!

– Слушайте, я тут недалеко знаю одну пиццерию, днем там пусто. Неудобно как-то на ходу. Вопрос, все-таки, серьезный. Там на тротуаре припарковаться можно.

В пиццерии с итальянским названием действительно было пусто, но Алекс, который очевидно бывал здесь не в первый раз, призывно махнул рукой и направился к лестнице, расположенной в правом углу верхнего зала. Они спустились в подвальный и уселись за небольшой столик в нише – тут было настолько тихо, что, казалось, наверху нет шумных столичных улиц, полных яростного, почти летнего солнца, млеющих от жары людей и горячих, как консервные банки, брошенные в костер, машин.

Официантка с усталым лицом включила дежурную улыбку, получила заказ на кофе и удалилась, а в руках у Алекса возникла тоненькая папочка и хрупкая пластиковая упаковочка с мини-диском.

Савенко разглядывал его пухлую, неприятную физиономию, рыжевато-белесые редкие волосы, спадающие на лоб гитлеровской челочкой, водянистые, на выкате, непонятного грязного цвета глаза и подумал, что у парня только одна черта не вписывается в общий облик – тяжелый, правильно очерченный подбородок. Эта была деталь, украденная у другого типа лица, отчего при взгляде на Алекса создавалось впечатление, что кто-то ошибся, составляя фоторобот.

Но, зато, если судить по подбородку – воли и целеустремленности Алексу было не занимать.

– Дома посмотрите, – сказал он, передавая Савенко мини-диск. – Любопытно, знаете, такие ностальгические воспоминания. И документки там интересные, познавательные, можно сказать, документы. Ну и ...

– А в папке что? – перебил его Сергей.

– В папке? В папке только фотографии, и то чуть-чуть. Из армейских архивов. Институтские. Для вящей убедительности.

– Убедили уже. Что вам нужно?

Алекс посмотрел на официантку, ставящую перед ними чашки с «эспрессо», и совсем по-детски улынулся.

– Именно это я вас сейчас и объясню.

Он, словно фокусник, извлек из-под стола прозрачный файл и вытащил оттуда еще два документа – сколотые скобами листики, которые положил между собой и Савенко так, чтобы оба могли их одновременно рассмотреть.

– Вот, – сказал он. – Давайте-ка вместе глянем...

Обе бумаги представляли собой сканированные копии архивных документов.

Из архива какой конторы они были взяты можно было только догадываться. С копий их принадлежность тщательно убрали. В одной бумаге речь шла о господине Сафронове – подробно, надо сказать была написана объективка, мелким кеглем на три странички.

«Ух, ты... – подумал Савенко с невольным восхищением. – Живы, курилки... Это ж как надо было постараться! И биография, и связи, и экономика».

Если бы в файле содержались сведения о детском пристрастии объекта к онанизму, то особого удивления у Сергея это бы не вызвало.

Последние сведения о Сафронове датировались мартом-апрелем 1994 года. Далее, шли несколько непонятных ссылок на свидетельства лиц, фамилии или кодовые имена которых на оригинале были замазаны. Ссылка на Службу внешнего наблюдения, где якобы имелись дополнительные документы.

Вторая бумага была посвящена жизни и деятельности Сергея Савельевича Савенко – от рождения и до настоящего момента, и для того, кто сейчас носил эту фамилию, представляла большой интерес. Всегда интересно узнать что-то новенькое о себе, тем более что при покупке документов столь полную картину никто не представлял.

Сергей даже увлекся, читая те биографические подробности, о которых и не подозревал. Он, конечно, догадывался, что купленная им личность не была святой, но, чтобы настолько...

Видно Сергей слегка поменялся в лице во время чтения, потому что Алекс даже вздохнул, и сказал участливо:

– Да не расстраивайтесь вы так, не стоит...

Свой жизненный путь господин Савенко, по мнению неизвестных информаторов, закончил в 1993 году, в Приднестровье. Документы Сергей покупал в Вильнюсе, в 1994. Прибалтика тогда была местом вербовки «солдат удачи» со всего СНГ и, скорее всего, паспорт, военный билет и все прочее, оставались у вербовщиков, которые и заработали на покойном последний раз, продав все скопом Сафронову.

– Ну и? – спросил нынешний Савенко, отрываясь от текста второй объективки. – Что дальше?

– А дальше – нам с вами предстоит выяснить, что общего есть между этими двумя людьми, кроме того, что вы уже столько лет таскаете на себе чужую шкурку...

Алекс изобразил улыбку. На самом кончике носа у него росли три рыжие, достаточно длинные волосины, когда кондиционер посылал в его сторону струю холодного воздуха, волосины начинали шевелиться. Эта деталь обаяния собеседнику не добавляла, но и испортить впечатление уже не могла.

– А без «Что? Где? Когда?» можно?

– Как пожелаете. Смотрите...

Алекс достал из внутреннего кармана ручку и золотым пером отчеркнул несколько строчек на справке по Сафронову, а потом пометил почти целый абзац в объективке Савенко.

«Ах, вот оно что... – подумал Сафронов-Савенко. – Хотя это ничего не объясняет».

Общим оказалось то, что Сергей Савенко, как и Николай Сафронов, был кандидатом в мастера спорта по пулевой стрельбе. И военную службу они оба проходили в качестве снайперов, только Савенко повезло: он был на два года старше, и Афганистан случился уже после его демобилизации. Но если военная карьера для Сафронова на Афгане и закончилась, то Савенко к военному делу прикипел душой, и после развала Варшавского блока и СНГ засветился, где только мог, во всяком случае, по сведениям, полученным составителями документов.

– Мы-то и искали, собственно говоря, его, – извиняющимся тоном произнес Алекс, и почесал указательным пальцем то место на носу, откуда росли волосины. – А, как выяснилось, нашли вас. Что, надо сказать, тоже неплохо...

– И чем же это неплохо? – осведомился Сергей.

В горле у него пересохло так, что даже капельки слюны, кажется, шуршали, скатываясь по пищеводу.

– Ну, – заулыбался Алекс, – сами видите, господин Савенко, упокой, Господи, его душу, был, – он замялся, подыскивая слова, – не очень приятным человеком. Совсем не интеллигентным, в отличие от вас, Николай Алексеевич.

– Называйте меня Сергеем Савельевичем, мне так привычнее.

– Да как вам будет угодно! Суть дела это не меняет. Просто, ознакомившись с информационной справкой по вашему, так сказать, донору, я рад, что дело надо иметь с вами. Честно говорю, поверьте!

Савенко посмотрел на часы.

– А если ближе к сути, господин Алекс. Искали его, нашли меня... Да, я был снайпером в армии. Это моя вина?

– Что вы, что вы... Конечно же – нет! Более того, я даже не думаю, что вы могли взять деньги! Ну, те, самые двести миллионов из-за которых вы с 94-го в федеральном розыске!

– Правильно не верите, – огрызнулся Сергей раздраженно. – Я их действительно не брал!

– А кто их брал? – спросил Алекс ласковым, проникновенным голосом. – Неужели депутат Государственной Думы России, председатель думского комитета «Антипреступность», господин Бобиков? Лично?

– Так вы и это знаете? – вырвалось у Савенко непроизвольно.

– Разумеется, – так же сладенько протянул Алекс и опять почесал кончик носа. – Но тоже не верим. Разве мог столь уважаемый человек похитить бюджетные средства? Клевета, конечно...

Савенко почувствовал пламенное желание захватить тяжелой стеклянной пепельницей, стоящей на столе, прямо по суперменскому подбородку – да так, чтобы хрустнуло! Просто, чтобы привести в соответствие верхнюю и нижнюю часть физиономии собеседника.

– Но вопрос-то не в том, брали вы эти деньги или не брали, – продолжил Алекс неторопливо и, жестом подозвав официантку, спросил:

– Может быть водички? Сока? Что мы с вами сидим, как на профсоюзном собрании?

– Воды, – процедил Сергей сквозь зубы. – Холодной.

– Значит, два стаканчика холодной водички. Можете даже со льдом и ломтиком лимона. – Алекс снова повернулся к собеседнику и уставился на него своими выпуклыми глазами, обнесенными частоколом коротких, рыжеватых ресниц. – Так, вот, Сергей Савельевич, главное не в том, что вы можете оказаться действительно честным человеком, а в том, кому из вас поверят. Вам, человеку, прожившему больше десяти лет по подложным документам, разыскиваемому всеми структурами финансовому мошеннику, и, вы только не волнуйтесь, но такая версия тоже есть, убийце...

«Это он о Лане...» – подумал Сергей, за миг до того, как мышцы сработали рефлекторно, и он пружиной метнулся через стол, с белыми от гнева глазами и одной единственной мыслью: вцепиться зубами в горло этой рыжей сволочи.

В следующий момент он рухнул обратно на массивный деревянный стул, оплывая, как надувная кукла, из которой выпустили воздух. Движение, которым Алекс остановил его бросок, было незаметным – просто тычок пальцами в район грудины, но эффект от него был такой, словно в тело вонзилась раскаленная спица. Дыхание стало, и Савенко прошиб холодный пот.

– Экий вы нервный... – протянул собеседник тем же дружелюбно-спокойным тоном. – Просто девица на выданье! Беда с вами, интеллигентами, честное слово! За вора вы на меня не бросались, однако! А за убийцу – прямо таки, как дикий вепрь! Не пыхтите вы так, Сергей Савельевич! Через пару минут отойдете. Вот водички только выпьете – и все пройдет.

Раскаленная спица в груди медленно повернулась против часовой стрелки, и Сафонов-Савенко стиснул зубы, чтобы не застонать.

– И с чего вы взяли, Сергей Савельевич, что вором быть почетнее? По мне так никакой разницы и нет...

Подошедшая официантка поставила перед ними стаканы с водой и удалилась, расклавив худыми бедрами, затянутыми в тугую юбку из дешевой ткани.

– Хлебните водички, – посоветовал Алекс, – я серьезно говорю – будет легче.

Савенко совету последовал – рука державшая стакан дрожала так, что зубы пару раз лягнули о стекло. После нескольких глотков действительно полегчало.

– Больше прыгать не будем? Руками махать не будем? – осведомился Алекс, пытаясь скрыть иронию. – Давайте договоримся по-доброму, мне стучать вас по организму удовольствия не доставляет.

– Ох, – сказал Сергей хрипло, голос тоже не слушался – а я бы вам настучал бы по всему, до чего б дотянулся!

– Вот так всегда, – произнес собеседник с огорчением. – Отнесешься к клиенту по-человечески, а он тебя ни в грош не ставит! Я ведь вам руки не крутил, хотя мог. Не в подвале – в кафе разговариваем!

Он опять взглянул на часы и улыбнулся.

– Ну, самое время... Продолжим, Сергей Савельевич? Неужто вам не интересно узнать для чего мы с вами тут сидим битый час?

– Кто вы такой? – спросил Сергей. – Откуда вы взяли на мою голову?

– Я? – переспросил собеседник. – Я – Алекс. Я же уже говорил. Неужели не запомнили, Сергей Савельевич? Просто – Алекс. И больше ничего обо мне вам знать не нужно.

Савенко попробовал сесть поудобнее, и у него неожиданно получилось. Спица, засевшая в груди, стала тоньше и холоднее. Алекс не соврал – Сергей действительно начал отходить от болевого шока.

– Что вы от меня хотите, Бога ради?

– Вот! Наконец-то появился конструктив! Не бледнейте вы так, не волнуйтесь! Ничего страшного не произойдет, ни с вами, ни с Оксаной Михайловной, ни с детьми вашими. Кстати, очаровательные дети. Я, знаете ли, всегда хотел иметь двойняшек...

– Имеете?

– Не задалось у меня с детьми. У меня и жены-то, собственно, нет...

– Оно и лучше, – сказал Савенко, разглядывая Алекса, как особо любимое им членистоногое о восьми ногах. – Такие, как вы размножаться не должны. Ни в коем случае.

– Я не обижаюсь, – рассудительно заметил Алекс и отпил воды из запотевшего стакана, – вы перевозбуждены. У вас – состояние аффекта. Если бы вы знали, как я вам сочувствую!

– Комедию не ломайте.

– Да что вы, какая комедия! Ваши дети уже в безопасности!

– Не понял, при чем тут безопасность моих детей?!

– Сергей Савельевич, в настоящий момент ваши дети уже летят над Атлантическим океаном, в комфортабельном лайнере, в сопровождении вашей няни... Вот только попробуйте на меня броситься и я вас приласкаю уже по-настоящему!

Но броситься на собеседника Савенко уже не мог не из-за отсутствия желания, его как раз было выше крыши, а по причине того, что руки и ноги у него стали ватными, и окружающая их обстановка поплыла, как на фото со смазанной резкостью.

Его дети, его гордость и любовь.

Саша и Наташа.

– Если с ними что-то случится, – прохрипел он, со свистом выдыхая воздух через ставшую мгновенно узкой, как лисья нора, гортань, – я тебя загрызу. Зубами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.